Один в поле воин

Автор:
Екатерина Каликинская

Один в поле воин

Екатерина Игоревна Каликинская

Повесть детской писательницы Е.И. Каликинской «Один в поле воин» предназначена для подростков. Она рассказывает о детях разных поколений одной семьи, живших в очень непростой период нашей истории (1916–1996). У каждого из них была значимая встреча с уникальным человеком – святителем Лукой (Войно-Ясенецким), причисленным к лику святых Русской Православной Церковью. Святитель Лука стал примером мужества, терпения, стойкости и веры для многих людей, доказав, что и один в поле воин. Юные герои книги, преодолевая трудности, делают непростой выбор между тем, как должно, а как нельзя поступать человеку; и найти в себе доброту и силы, сделать шаг к Богу им помогает пример Святителя Луки. Книга написана в лучших традициях русской литературы для детей.

Екатерина Игоревна Каликинская

Один в поле воин

© Каликинская Е.И., текст, 2016

© Мельникова Е.Д., иллюстрации, 2016

© Издательство «ДАРЪ», 2016

* * *

1916 год. Даня. Выход из подземелья

С закрытыми глазами по Переславлю

В последнее время Даня повадился ходить в трактир купца Павлова. Ребята говорили, что там, в подвале, начинаются тайные ходы, которые опоясывают под землёй весь их маленький древний город. Брат Санька объяснял: тысячу лет назад ходы прорыли, чтобы укрываться в них от врагов.

– А ты говорил, что князя нашего Александра Невского никто победить не мог? – спрашивал Даня.

– Это когда не мог – когда он вырос, в силу вошел! А маленьким был? А уходил княжить в Новгород? – авторитетно возражал Санька. – Ходы-то куда как пораньше были…

– Когда раньше? – не отставал младший. На это старший пренебрежительно отмахивался:

– Много будешь знать – скоро состаришься!

Даня и рад бы состариться поскорее: про всё узнать. Но что поделаешь, если даже Санька считает его маленьким. Остаётся только самому что-нибудь разведать – тогда посмотрим, кто умнее! Самое верное дело – найти хотя бы один подземный ход. Для того Даня и ходил в трактир Павлова, прислушивался к разговорам, заглядывал в погреб, когда туда спускалась помощница кухарки…

В трактир Даню пускали, потому что его бабушка пекла пирожки для купца Павлова. Запах её пирожков Даня чувствовал, едва выйдя из дома, уже у Владимирского собора. Когда выходил на Симеоновскую улицу, запах становился сильнее. На Сергиевском мосту через Трубеж уже можно было сказать, с чем у бабушки Акулины Егоровны сегодня пирожки: с вязигой и грибами, с малиной или рыбные расстегайчики.

Запах пирожков вплетался в волны других запахов: нагретой крапивы, мокрого речного песка, смолы лодочных боков, свежих конских «яблок» на мостовой и типографской краски от газет, с пачкой которых проходил мимо мальчишка-разносчик. Иногда долетал с озера ветерок, пахнущий горячим от солнца простором.

Даня потому так остро различал запахи, что в последнее время стал хуже видеть. Земляные валы, заросшие мягкой муравой, сливались в одно зелёное тулово. Казалось, это притаился огромный зверь вроде Змея Горыныча – может быть, его младший брат? Даня иногда боялся, что Змей подымется и стряхнет людей, гуляющих по его хребту, как мурашей. Но брат Санька говорил, что никакого Змея не боится и враз уложит его своей деревянной саблей. Брату хорошо, его в честь Александра Невского назвали. Он потому и смелый, что князь ему помогает своим непобедимым мечом и бранной палицей.

Даня совсем не такой – робкий. Недаром его святой – инок переславский преподобный Даниил, что от монахов на гору ушёл и там в молитве и молчании пребывал.

Санька любил иногда прихвастнуть, что фамилия их – Пересветовы – от воина-монаха пошла, которого преподобный Сергий благословил в Радонеже и тот помог Дмитрию Донскому битву выиграть.

Может, и так. Всё у них тут в Переславле рядышком – монастыри и скиты, устроенные великим тружеником и молитвенником земли русской, Веслево, где родился его ученик, преподобный Димитрий Прилуцкий, и храм Спаса Преображения, где рукополагали преподобного Сергия, а малого княжича Александра крестили и венчали на княжество. Санька рассказывал: в четыре года посадили его у храма на коня, когда княжич ещё не был ни Невским, ни великим, ни святым. Но, конечно, и в детстве такой мальчик был посмелее других.

Не то что Даня… Теперь он больше робел – из-за глаз. Бывало, следил взглядом за травяными тропками, снующими вверх-вниз по земляным валам, знал все ложбинки и пригорки, поднимался наверх. Теперь же и ходить туда боялся – вдруг оступишься да покатишься вниз?

Даня не знал, правильно ли это, когда маленькие мальчики плохо видят. А спросить стеснялся. Бабушка частенько приговаривала: «старый да малый», – и жаловалась, что не различает нитку, чтобы продеть в игольное ушко. Может быть, так же и дети – пока не вырастут?

Он мог пройти по родному городу и с закрытыми глазами.

Благовест на колокольне Владимирского собора, скрип колес, конское фырканье и болтовня голубей на площади, шлепки воды о сваи моста, уханье станков в типографии Шаланиных, где папаша работает. И наконец – зазывные возгласы возле трактира.

Никаких ходов там Даня пока не обнаружил, потому что дальше кухни его не пускали. Повертевшись между котлов, садился он на низенькую скамеечку, а бабушка совала ему пирожок.

– Ты лучше всех умеешь печь, – говорил Даня, уминая воздушный, с обливным бочком расстегайчик.

На это бабушка Акулина Егоровна всплёскивала руками:

– Куда уж мне до Хионии Ниловны! Ты внучек мой родненький, потому так и говоришь…

Хиония Ниловна была просвирня. Пекла для Владимирского собора просфоры.

Воскресным утром, отстояв литургию, бабушка давала Дане кусочек. В самом деле, хлеб этот, белый и пресный, был наполнен каким-то особым священным воздухом – Даня это чувствовал.

Хиония Ниловна первая заметила, что мальчик стал плохо видеть.

Из церкви забрали на крестный ход икону Пресвятой Богородицы, перед которой и Даня, и бабушка, и все прихожане клали земные поклоны. На её место повесили другую, ростовских святых, а Даня поклон всё равно сделал. В полумраке различил только золотистое сияние оклада и встал на колени как обычно, коснулся лбом холодного пола.

– Смотри, Акуля, малец твой что-то нехорошо видит! – всполохнулась Хиония Ниловна. – Не заметил, что икона другая. Думал, Заступнице кланяется.

– Господь с тобою, матушка, отчего же нельзя ростовским святым земной поклон положить? – удивилась бабушка. – Может, он от благочестия…

– Да и походка у него стала другая, чуть бочком, – не согласилась просвирня. – Ты, милок, кого на иконе-то видишь?

Даня испугался, как будто каменный пол у него под ногой провалился. Он знал немного ростовских святых и стал перечислять. Да скоро запутался.

Тогда всполошились все дома и начали его расспрашивать. А потом шептались между собой. Маманя даже всплакнула. И каждый, кто оказывался рядом, гладил Даню по голове. Сначала это было приятно, а потом стало тревожно. Как будто в руке, что опускалась на голову, накапливалась тяжесть. Дане казалось, что тяжесть эта перетекает в глаза и они набухли, с трудом ворочаются в глазницах.

Его одного не пускали теперь на улицу. Ни к собору, ни на площадь, ни тем более на мост или в трактир.

У монастыря

Пришлось отложить поиски подземных ходов. Зато Даня больше о них думал. И расспрашивал дедушку Сысоя, который выходил погреться на завалинке соседнего дома. Дедушка видел совсем плохо, и Дане было с ним легко. Он мальчика посылал то огурец ему с грядки сорвать, то ковшик воды принести из колодезного ведра. Грядки, колодец и ведро Даня хорошо видел, потому что

близко. Все просьбы деда выполнял в охотку, а сам незаметно расспрашивал про старые времена. Александра Невского Сысой, конечно, не помнил, а вот про святого Даниила Переславского рассказывал, как будто был с ним знаком. Уставившись выцветшими глазами в замшелую стену сарая, поведал дед Дане, как ушёл этот инок из монастыря на горе через распадок на свой холм, как вырыл себе пещерку и жил там в тишине и молчании. А потом приехал к нему сам царь Василий. Прослышал царь о богоугодной жизни инока и бросился ему в ноги: сына, мол, хочу! Не было у него сына. Каково царю без сына-то? Куды ни кинь, сын надобен! И стал тогда молиться Даниил, и по молитвам его родился у царя мальчик. Инок переславский крестил его в своей обители, которая тем временем выросла на святом холме. И назвали мальчика Иоанном…

– Это был царь Иоанн Грозный? – перебивал тут Даня. – Почему же у святого инока крестник был такой страшный?

– Не сразу он страшным-то стал! – крутил головой дед Сысой. – Кто Казань воевал? Кому матушка наша Казанская заступница помогала? Это потом бес в него вселился, и стал царь народ губить… По грехам нашим…

– А святой Даниил?

– Чтобы не смотреть на непотребство, вырыл себе в холме ход подземный и прятался в него, когда слышал, что царь к нему едет. Проберется под землёй на берег Трубежа, на плес у Плещеева озера – и молится в тишине.

– А царь?

– Посмотрит-посмотрит – и поедет восвояси.

– Дедушка, а ты сам-то этот ход видел?

– В молодости помню – супротив ворот Данилова монастыря плита лежала железная. С крестами, с буковками. Говорили, что это и есть дверь в подземный ход.

– А где она сейчас?

– Да все травой заросло.

– Травой – наверху, а ход-то внизу остался?

– Кто ж его знает, милок. Может, и остался, может, землёй завалило… Отец мой однажды в такой ход провалился, чуть ногу не сломал.

– Напротив Данилова?!

– Не, это в другом месте, в Рыбачьей слободе. Ходов этих тут было много. Вот намедни сели у купчихи Гладковой чай пить в нижней горнице, а с-под-стола как забьет водяной ключ! Разом снесло и стол, и самовар, и чашки-баранки. Стало быть – какой-то ход был, по нему вода и пришла…

Но Даня уже не слушал: задумался о своём. А что, если в траве на склоне напротив монастырских ворот пошарить – вдруг что найдется?

Раньше бы он в два счета туда дошлёпал. Теперь – нет, не разрешают! Убежать тайком, без спросу? Придётся. Только вот страшновато – вдруг заплутаешь, дорогу не найдёшь? Глаза-то, ставшие тяжёлыми, и вправду видели всё хуже. Знакомые предметы – ковшик, полотенце, тарелка – расплывались. А те, что подальше – и вовсе сливались в смутное, тревожное, незнакомое.

Даня не знал, у кого искать помощи. Деду Сысою он свои замыслы не доверял, родным – опасался. И решил мальчик попросить своего святого покровителя, преподобного Даниила Переславского.

Молился по утрам своими словами, сидя у дома на завалинке. А вокруг кипела чужая теперь жизнь, где различал он только бело-синее, золото-зелёное с жёлтыми крапинами одуванчиков.

И вдруг среди цветной мути выросла чёрная фигура. Высокая и неподвижная, стояла она посреди летнего дня. Потом её заслонила подъехавшая коляска, и фигура исчезла.

Даня устыдился: не по делу он потревожил Даниила Переславского! Не молиться ведь собрался в монастырь – ходы искать… Побежал к бабушке, спросил, как

читать тропарь преподобному Даниилу.

На следующий день фигура на том же месте появилась снова. И все повторилось: подъехала коляска, вздохнула лошадь, фигура пропала.

А на третий день дед Сысой рядом оказался. И всё пошло наперекосяк: сначала долго никого не было, потом на том месте, где Даня ждал монаха, проехала коляска. И дед Сысой простым таким, домашним голосом окликнул кучера:

– Кого теперь возишь, Влас?

– Да доктора нашего самого главного, – прогудело от коляски. – Ляксандр-то, кучер земской, по пальцу себе топором саданул после именин…

– В больницу земскую, стало быть, направляетесь?

– Не, сегодня в Данилов монастырь. Там отец эконом занемог…

Даня тут быстро смекнул и в два счёта оказался рядом с коляской и пристроился к задней перекладине между колесами. Коляска чуть дрогнула, присела под пассажиром, двинулась вперёд. Даня изо всех сил вцепился в перекладину и молился только, чтоб дед Сысой его не заметил. А дальше уже пошло легко: заплескалась вокруг него нарядная, в солнечных пятнах Симеоновская улица, ударили золотом по глазам кресты Владимирского собора, защекотали лицо прохладные тени лип и тополей. Коляска шла ровным плавным ходом, ей все уступали дорогу. Даня перестал бояться, что упадет.

Вот это называется помочь так помочь! И ничего, что не сам инок Даниил явился за ним – прислал коляску с доктором.

Святого не каждый удостоится увидеть, бабушка говорит. Надо сердцем быть чистым. А у Дани грешков много, он это хорошо знает. Но всё же по его молитве, пусть и нескладной, небесный покровитель на коляске доставил к монастырю!

Даня поторопился спрыгнуть на землю раньше, чем выйдет доктор. Но тот заметил его и посмотрел, прищурившись, так что у мальчика душа в пятки ушла. Однако ничего не сказал, и, положив широкий крест, вошёл в ворота монастыря.

Даня смотрел, как громадная фигура в чёрном сюртуке широкими шагами пронеслась под старыми липами – и вправду на монаха похож. Даже в игре теней над светлой его головой почудился мальчику монашеский клобук. Засомневался Даня: а вдруг всё-таки сам инок его сюда привёз?

И шмыгнул в разнотравье на склоне, пока Влас не заметил.

Шарил в пыли, глине и сопревшей траве, заглядывал под широкие прохладные ладони лопухов, осматривал крупные камни, притаившиеся в цветущем разнотравье. Не было ничего похожего на дверь! Давно уехал экипаж с доктором, зазвонили в монастыре к поздней обедне, послышались голоса богомольцев. Даня всё искал. Когда народ рассеялся, мальчик поднялся к воротам монастыря, там осмотрел вытоптанную, гладкую и твёрдую как пол землю. Там и смотреть было нечего – земля и земля. Пошёл Даня вдоль крутой стены, где была обкошена трава: каждый валун обшаривал, на какие хватило сил – переворачивал. И под одним валуном нашёл старинный ключик, полузалепленный глиной, весь в ржавчине. Даня поплевал на него, потёр – на кольце что-то похожее на буковку появилось. Мальчик обрадовался, сунул ключ в карман. Дома рассмотрит получше. Может, от той самой двери?

На склоне ещё много камней, ложбинок, зарослей. Вдруг среди них дверь-то и спрятана?

Тут от монастырских ворот мальчика окликнули. Хиония Ниловна с обедни возвращалась и острыми своими глазами заметила знакомую фигурку. От неё Дане здорово попало, что самовольно по городу путешествует. С ней же и домой возвратился. Было уже не страшно, что вместо улицы бело-золотое-зелёное. Он видел перед собой тёмненький в цветочек рукав просвирни, её белую, иссечённую морщинками руку с широким кольцом на среднем пальце. Хиония Ниловна шествовала плавно и уверенно, держала мальчика за руку. По дороге всё расспрашивала про глаза.

– Нельзя тебе одному по городу шастать! – отчитывала она Даню. – А ну как под лошадь попадёшь или заплутаешься?

– Кого-нибудь Бог пошлёт…

– Хорошо, что ты покровителю своему поклониться пришёл, – продолжала Хиония Ниловна. – Сам решился или кто надоумил? Я уж за тебя замолвлю дома словечко, чтобы не сильно ругали, дело-то благое…

А Даня и забыл зайти в монастырь, приложиться к прохладной раке, где почивал под мантией святой инок! Не тем был занят… Мальчику стало стыдно, и он ничего не ответил.

– Небось все всполошились, куда ты подевался?

Но дома были заняты совсем другим.

Маманино горе

Маманя с бабушкой сидели, закрывшись в горнице, о чём-то спорили. Хиония Ниловна тоже туда скользнула. Заходила ходуном ситцевая занавеска между комнатами, женские голоса затолкались под низким потолком. Даня, обрадованный, что его отсутствия никто не заметил, зачерпнул ковшиком воды из ведра, стоявшего на скамеечке в сенцах. Но через сердитый шёпот, оханье и причитанье маманя вдруг ясно простонала:

– Что делать, когда Даня – почти слепой, а Фёдору не сегодня-завтра повестка придёт? Война ведь идёт, мамаша!

– Да у него же бронь?

– Сегодня бронь, а завтра уволят – и нет брони! Слыхала, уже его ровесников призывать начали? До детей ли тут? Уже есть двое…

– Ты чего говоришь-то?! – взметнулся голос Хионии Ниловны. – Как такое удумала?

Даня не слушал дальше: настолько его поразили слова: «почти слепой». Он испуганно дотронулся до стены с торчащим между бревен белёсым мхом, до полотенца на гвоздике: нет, всё он видит! И иконку маленькую Николая

Чудотворца у притолоки, чуть поблескивающую, и завернувшийся половичок. А что за окном расплывается бело-золотое-зелёное, так к этому он привык.

– Грех это страшный! – возвысила голос Хиония Ниловна. Бабушка Акулина Егоровна тихо ответила:

– Всё верно, да Господь милостив…

– Грех, грех несмываемый, смертный! Опомнись!

Даня замер с перепугу. Ему показалось, что в горнице, за занавеской, притаилось что-то страшное, бесформенное, о чём раньше никто не знал. Если это не прогнать – он вконец ослепнет. Какой-то грех прячется в комнате.

– Фёдора, может, спросить? – робко произнесла бабушка. – Да стыдно…

– Он прорычит – «бабьи дела»! – плачущим голосом отвечала маманя. – Он руку вчера прессом поранил, с работы его пригрозили уволить, не до меня ему! Сама я этот грех на себя возьму, сама! Куда же нам ещё одну тяжесть…

Ничего Даня не понял. Но от маманиного голоса стало ему совсем плохо. Как будто ей руку или ногу прищемили, или тяжесть какую непомерную навалили на спину, и из-под этой тяжести она жалуется.

Он пошёл поскорее на улицу, чтобы забыть то, что слышал. На пустыре ребята играли в лапту. Даня тоже хотел научиться. Брат Санька был отменный игрок и обещал показать ему приёмы. Дане нравилась бита – белая, вкусно пахнущая деревом, ложилась она тяжело и ласково в руку. Да только теперь уже ничего у него не получится – не разглядит Даня, куда метить. Поэтому остаётся сидеть на груде брёвен на краю пустыря и смотреть. Слушать, как кричат то сердитые, то ликующие мальчишки. Иной подбегал к нему, чтобы глотнуть из жбанчика кваса, спрятанного между лопухов, утирал рукавом раскрасневшееся лицо и перебрасывался с ним парой слов. И так хорошо было, пока Петька с Рыбачьей, отходя, не бросил:

– Жаль, ты не видел, как я им вмазал. Ты ведь слепенький теперь…

Даню как крапивой ожгло. Вскочил и пошёл, глотая едкие слёзы. Даже то, что близко, расплылось и закачалось.

Даня достал из кармана ключик, послюнявил его, рассмотрел непонятные значки, выделявшиеся на ржавом металле. И стал мечтать, как найдёт он дверь и уйдёт в подземные ходы, где темно и тихо, и никто его уж слепеньким называть не станет… Ключик на всякий случай засунул в старое куриное гнездо, там никто искать не будет.

Следующие дни в доме будто тёмным завесили все окна. Отец, и без того молчаливый, ходил туда-сюда, нянчил свою руку в тряпице. Маманя говорила тонким притворным голосом, от которого Дане было ещё страшней, чем от её жалоб в горнице. Бабушка Акулина Егоровна тяжело-протяжно вздыхала. Потом снова появилась Хиония Ниловна и твёрдо заявила:

– В больницу вашего Даниила надо вести. Там доктор из глаз бельма вырезает.

– Ещё чего?! – маманя заговорила своим обычным голосом, схватила в охапку, прижала Даню к животу. Запах её ситцевого платья и чего-то кисловатого был такой, как всегда. Как будто всё вернулось на свои места.

– Не дам я своего сыночка колоть-резать! – крикнула маманя. – Глазки его золотые… – и стала Даню целовать, обслюнявила всего. Он хотел вырваться, а она и сама вдруг оттолкнула его, отошла в сторону, как будто что-то пряча под фартуком.

– Дура ты, Груня, – отвечала Хиония Ниловна. – Может, и резать не придётся? А ежели придётся – значит, надо! Богомольцы рассказывают: в Курской губернии за доктором этим слепцы хвостом ходили, а одному с рождения слепому он очи отверз, – Хиония Ниловна значительно замолчала.

На Даню вдруг пахнуло божественным каким-то холодком: «очи отверз»! Такое батюшка из Евангелия читает. Маманя тяжело дышала, пригорюнившись. Думала.

– Боязно как-то, – наконец выговорила. – Бог сам исцеляет, кого хочет.

– Не тебе говорить! – обрезала её Хиония Ниловна. – Господь руки врачующих благословляет.

Маманя заплакала тихонько, жалостно.

Зашёл отец и хмуро сказал:

– Ниловна дело говорит. У нас на складе рабочий из Фатежа работает, сказывал – доктор этот многим глаза вылечил.

Ну, раз папаша велел, спору быть не может.

Повели Даню к самому главному доктору.

В больнице

Даня ждал на крыльце, пока Ниловна и бабушка сидели в очереди в приёмном покое. Луг расстилался прямо за больницей, а дорога к ней вела мимо мохнатого от трав оврага. И там могли быть ходы, хорошо бы поискать, полазить. Только не пустит никто, а издали не разглядеть.

У крыльца же рост куст колокольчиков: небесно-лиловые раструбы, в них копошатся разные козявки, ножками перебирают. Мушки умывались, мотыльки замирали прозрачной тенью на стебле. А когда сел на цветок шмель, прогнулся под ним лепесток, как диван под купцом Павловым. Вся эта мелкая жизнь мальчику была понятна и радовала своей простотой.

В покой Даня не хотел. Там стоял плотный человеческий дух, шёпот тревожный носился. Низко, утробно стонала какая-то женщина, бормотал увечный старичок, а самое главное – сидел с матерью мальчик-подросток с широко открытыми, невидящими глазами. Как будто показывал Дане, каким он может стать.

Потом ввалились ещё три тётки, одна из них ногу на покосе порезала, из-под намотанной тряпки кровь проступала страшновато-быстро. Тётки стали спорить, кто же виноват. Голоса их, сильные, резкие, как полевой ветер, не умещались в

комнате.

И вдруг всё стихло: и стоны, и чтение псалма, и спор, и шелест-бормотание мальчика. Как птицы умолкают перед грозой. Потом Даня услышал, как доктор басом сказал несколько слов, и сестра увела женщину с перевязанной ногой.

Мальчик ждал своей очереди со страхом: вдруг доктор вспомнит, что он на его экипаже зайцем катался? И не станет лечить?

Даня почти потерял голос, когда оказался в пустой, сверкающей белизной комнате, где непривычно пахло, а напротив окна ворочалась большая белая фигура доктора со вздыбленным ёжиком светлых волос на голове, с блескучими очками. Усадили нового больного на высокий стул, ноги болтались в воздухе. Мальчик ёрзал и смотрел в пол.

Как сквозь сон Даня слышал, как доктор расспрашивал бабушку о том, как в семье едят, умываются, как стирают полотенца. Странные какие-то вопросы! Его-то больше занимали блестящие штучки на столе – с носиками и круглыми ручками, с крохотными лезвиями, со стёклышками толстыми, от которых роились солнечные зайчики на полу и на стене.

Потом лицо мальчика оказалось в ладонях сестры, а доктор склонился над ним с одним из стёклышек в руке. Даня удивился – зачем ему стёклышки, если у него очки? Потом по лицу мальчика мягко прошлись сильные пальцы, запрокинувшие подбородок, уверенно завернувшие веки, словно это были лепестки цветка. Дане казалось, что из его лица теперь можно вылепить что угодно – податливое оно, как размятая глина. А тяжесть и песчинки в глазах вдруг пропали.

Потом оказалось, что сидит он на стуле, а доктор теперь осматривает бабушкины глаза. Бабушка смущалась и хихикала, как девица, говорила тихонько:

– Мне-то уж теперь всё равно, мне только к другой жизни готовиться. Всё, что нужно, я на этом свете повидала…

– Всё верно, – то ли сам себе, то ли бабушке сказал доктор и сел за стол что-то писать. Выдал бабушке бумажку беленькую с синими непонятными буквами. А также велел, чтобы маманя к нему пришла.

Даня испугался – зачем маманю-то вызывают?

Новая маманя

На следующий день сходила бабушка в больницу и принесла мазь. Дане стали каждый день мазать глаза, да так, что даже ресницы слипались. Толстые, словно хворостины, они мешали веки поднять. А потом потихоньку легчали. И уходила из глаз тяжесть. Даня на всякий случай двигался по-прежнему сторожко, приглядываясь к ближним предметам. Но чувствовал: как вода прибывает по весне к берегам, возвращается к нему и дальнее. Вчера рассмотрел колодезный сруб в углу двора, каждое потемневшее от воды и времени брёвнышко. Потом заметил и ласточек, снующих под крышей, и облако, застрявшее в ветвях старой липы. Не боялся уже один путешествовать по своему переулку и до Никольского монастыря.

Сказала ему бабушка:

– Сходил бы ты, Данюша, на Троицкую улицу, отнёс доктору яичек. Отблагодарить его надо. Сорокоуст я за него в Фёдоровском и Даниловом, и у Никиты Столпника заказала, само собой…

– Недалеко же ушла! – фыркнула Хиония Ниловна, явившаяся снять пробу с бабушкиного крыжовенного варенья. – На богомолье надо бы отправиться тебе, Акулина, да внучка прихватить, ведь чудо совершил Господь руками нашего доктора…

– Это ты верно говоришь, надо. Вот Груша… – тут бабушка запнулась, – решится, тогда и сходим с Даней в лавру к Преподобному…

– А что Груня, что Груня? – вскинулась Хиония Ниловна.

Бабушка прошептала:

– Сегодня собралась наконец к доктору пойти, глаза показать, а то ровно пужалась чего… Как только скажу – белее скатерти, смотрит на меня страшными глазами и говорит – не могу! А вот сегодня сподобил Господь… – бабушка осторожными ловкими движениями перекладывала из ладоней в новенький туесок яички. – Хорошие у нас сегодня яйца, Ниловна, желток такой крупный и жёлтый, аж в красноту… Не положить тебе?

– Куда? – отмахнулась просвирня. – Свои девать некуда! Я ведь в посты не вкушаю, да на неделе постные дни, да говею… Некогда яйца-то есть!

– Ну, а доктору пригодятся, у него семья немалая, четверо деток, я слыхала. Да и не ходят нынешние-то образованные в храм, не говеют…

– Последние времена близятся! – провозгласила Хиония Ниловна, подняв палец. – Скоро придут беды на нашу землю великие, Егоровна! Знаешь, что вчера странник у Симеоновской церкви прорёк?

Даня не успел узнать, о чём говорил странник – дверь отворилась, и вошла какая-то девушка. Встала, как у себя дома, прислонилась к косяку двери. Кухня темновата, с низкими потолками, окна заставлены разросшейся геранью – в сумерках лица не видно. Даня с удивлением заметил, что платье на ней, как праздничное у мамани – в пёстрых загогулинках, которые бабушка называла «турецкий огурец».

А повадка вся чужая – лёгкая. Голова запрокинута, как во сне, тонкие пряди по щекам струятся, а узел тяжёлый на затылке того гляди на спину прольётся.

Луч закатного солнца со двора переполз на лицо, и Даня увидел, что лицо девушки, залитое тёплым золотистым светом – маманино. Только стало оно совсем другим, как омытое живой водой. Капельки той воды на ресницах и щеках поблескивают – или это слёзы?

Бросилась к мамане бабушка:

– Как ты, доченька? Что сказал доктор?

– Полотенце велел каждому своё завести, – тихо, задумчиво, как сквозь сон, произнесла маманя. – А через четыре месяца явиться на осмотр.

– Как так?

– А так, матушка – жди внучку, – присела за стол, спрятала лицо в ладонях.

– Слава Богу, Грунюшка! – вскрикнула бабушка.

– Вот радость-то какая! – одобрила и Хиония Ниловна. – Значит, доктор тебя раскусил, греховодницу, да на путь-то наставил… Не забудь, сходи покаяться! А то ведь…

– Тише, тиш-ше…

Маманя приложила палец ко рту и выскользнула из комнаты. Такой её Даня никогда не видел.

Он задумался: какая внучка? Бабушкина? Откуда она возьмётся? Дане говорили, что его самого в кочане капусты нашли. Он не очень верил, но на всякий случай пошёл в огород, осмотрел кочаны – не появилось ли в них чего новенького? Капуста завивалась голубоватыми свёртками, до кочанов ещё было долго. «Через четыре месяца», сказала маманя. Тогда уж холода наступят, капусту всю порубят и в бочки заложат на зиму. При чём тут внучка какая-то?

У доктора

Бабушка дала мальчику туесок с яйцами, и пошёл Даня в дом помещицы Лилеевой, где жил доктор с семьей. Он сначала обошёл дом со всех сторон, полюбовался, какой он большой, особенный. С широкими окнами, с резными наличниками, с перильцами лощёными, с поблескивающей на солнце высокой крышей. Правда, конёк резной на самой верхушке не разглядел: тоненькая фигурка, а что – не разберёшь. Но всё равно – знатный дом! Конечно, не усадьба купца Павлова, с белёными колоннами и башенками, спрятанная в большом тенистом парке. Но туда Даню никто и близко не подпустит. Мальчик

рассмотрел и клумбы с густой каймой бархатцев, со сладко пахнущими петуньями.

Дверь была чуть приоткрыта, словно ждала Даню. В сенцах сидел мальчик его лет, пускал в лохани с мыльной водой бумажные кораблики. Мальчик посмотрел на Даню озорными глазами и спросил:

– Ты небось на Плещеево ходишь?

– Бывает, – солидно ответил Даня.

– А кораблики у вас есть?

– У деда Сысоя старый баркас, но он почти затонул.

Незнакомый мальчик словно устыдился и одним махом потопил в мыльной воде все кораблики.

– Здорово! – вздохнул он. – И часто на озеро ходите?

– Весной и осенью с папашей на рыбалку, но он всё больше Саньку берёт.

– А мы вот только раз на лодке с папой по Плещееву плавали… Баркас этот ваш можно поднять и поплыть на нём?

Даня не успел ответить – в прихожей появилась востроглазая девушка в белом переднике и набросилась на мальчика:

– Алеша, озорник! Ну зачем тебе моя лохань? Я поставила вылить, а ты что? Поди в классную, садись за прописи!

– Я, Лизавета Никаноровна, всё уж сделал, – важно, как взрослый, ответил мальчик и ушёл по коридору.

– Ты к доктору? – спросила Даню девушка, к которой «Никаноровна» совсем не подходило, слишком она была простая и молодая. – Он дома не принимает, надо

в больницу.

– Ещё как принимает! – крикнул мальчик, выглянув из-за дальней двери.

– Вчера деда какого-то смотрел после ужина! А позавчера тётка с малышом приходила…

Лизавета нахмурилась и посмотрела на Даню сердито.

– Я уже был в больнице, поблагодарить пришёл, – торопливо проговорил он и протянул туесок с яйцами. Та, однако, не взяла, а сказала:

– Сейчас, погоди.

Взяла лохань и вышла на улицу. А Даня стал рассматривать диковинные вещи, которых была полна прихожая: чемоданчик маленький кожаный с твёрдыми уголками, груду почтовых бандеролей и книгу с золотыми буковками по переплёту на этажерке. А главное – длинное зеркало в резной, со столбиками, оправе. Даня поднялся на цыпочки, чтобы заглянуть в него – он себя видел только в маленьком зеркальце у мамани да в стеклянной двери магазина. Но тут вошла девушка с пустой лоханью.

– Посиди тут, – указала на низенькую, зелёным бархатом покрытую скамеечку. Даня поставил туесок на пол, устроился на скамеечке. Удобно! Он потихоньку погладил вытершийся бархат, лакированные изогнутые ножки. Всё ему тут нравилось и пахло чем-то приятным.

Из дальней комнаты доносилось стрекотанье швейной машинки. Вдруг смолкло, послышались взволнованные голоса. В коридор вышла высокая дама и остановилась, глядя на Даню.

– Я доктору яичек принёс, он мне глаза лечил, – объяснил ей Даня. – Бабушка велела отнести.

– А как твои глазки теперь? – тихо спросила женщина.

Даня вдруг увидел, что она очень красивая – как королевна из сказки, но печальная, словно кто-то её заколдовал. И поспешил обрадовать:

– Полегчало! Лучше, гораздо лучше! Думали ведь, слепеньким буду, – зачем-то добавил жалобно.

Дама улыбнулась и протянула ему булочку. Сдобную, пахнущую чем-то непривычно-приятным.

Пока Даня нюхал булочку, дама стала удаляться по коридору.

– А яички как же? – крикнул он.

Но она только покачала пышной, в накрученных косах головой. Тут выглянула из другой двери Лизавета Никаноровна и проворчала:

– Богачи какие отыскались, прости Господи! Еле концы с концами сводим, сама ведь и обшивает, и готовит, и с детьми нянчится. Шесть ртов… Разве лишние были бы яички-то?

– Лиза! – не оборачиваясь, с укором бросила хозяйка и ушла в комнату, притворив дверь. Снова застрекотала машинка.

– Так возьмёте? – не понял Даня.

– Не положено, мзду за лечение не берём! Так и скажи бабушке.

Даня побрел на улицу. Булочку он разломил пополам и потихоньку, по маленькому рассыпчатому кусочку съел. Непонятно было у него на душе: и светло, и как будто страшно. Хотелось вернуться и что-то ещё спросить. Оглянулся мальчик на дом Лилеевой: плывёт среди высоких тополей, крышей своей поблескивает. Он спрятал корзинку в зарослях лопухов и поднялся на заросший мягкой муравой вал, чтобы посмотреть на дом сверху. Увидел дворик, по которому какие-то большие курицы ходили, поленницу берёзовых дров, аккуратные грядки зелени в огороде.

Даня порадовался: ему был хорошо виден каждый листочек, каждое зреющее в тёмной листве ясное яблочко, каждая чешуйка коры на брёвнах! И твёрдо различил он на бледно-голубом небе резной конёк: фигурку ангела с трубой.

Мальчик быстро обернулся – с высоты Валового кольца перед ним распахнулся долгий луг, мягкие холмы, колокольня и крыши села Красного, маленький чёткий силуэт парящего над полями ястреба… У него захватило дух и заколотилось сердце: давно он этого не видел! А теперь словно кто-то бросил этот подарок к его ногам. Кто же, как не Господь? Горячая волна благодарности подхватила мальчика, и он почувствовал на своих губах слёзы.

Даня не помнил, сколько времени он провёл на холме в молитве.

А когда опомнился, снова увидел ангела на коньке. И вспомнил, что ангелы возвещают и Рождество Христово, и Страшный Суд. И сразу же подумал: бабушка отругает его за то, что поручение её не выполнил. Он скатился вниз, с трудом отыскал в лопухах корзинку с яйцами и побрёл с ней домой.

И всё думал, как ему быть-то? Остановился у стены Владимирского собора, а оттуда уже народ с вечерни потянулся. Какой-то нищий в грязных обмотках, без ног, на скамеечке деревянной – видно, бывший солдат – протянул к мальчику руку. Одно яйцо Даня отдал ему. Стали и другие подходить. Мальчик все яйца раздал по одному. Кто-то тут же разбил в сутолоке, кто-то засмеялся, кто-то похвалил его за доброту. А Дане показалось, что наступила вдруг Пасха.

1921 год. Даня. Кирпич для крепости

Свеча

Петька говорил: из этого кирпича можно построить крепость. Прочный он, старинной выделки, и много целого сохранилось. А битый тоже в дело пойдет –

засыпать щели, мостить дорогу. У мальчишек дух захватывало: самим выложить и стены, и башни, и бойницы! Как Александр Невский, как Петр Великий. Ну, может, поменьше, чем у князей и царей, крепость получится. Но настоящая, их собственная!

Даня мечтал, что его назначат там часовым. А комендантом, конечно, Егора – он самый боевой… То-то Санька обзавидуется! Глядишь, перестанет форсить, что он уже взрослый и ему их игры ни к чему.

Правда, об этом думать рано. Сейчас главное – место выбрать, куда кирпич перевозить. Об этом и разгорелся спор. Федот и Егор считали, что на Плещеевом надо строить, как царь Пётр, а Даня настаивал – за Даниловым монастырём.

– На кой он теперь, монастырь этот, сдался? – говорил Федот Смирин из Рыбачьей слободы. – Одно название! Монахи сгинули, епископа Дамиана в тюрьму посадили. А мощи твоего преподобного теперь в музее, под стеклом на полочке.

Даня про это слышал – бабушка шепотом говорила Хионии Ниловне, и слёзы градом катились по тёмному лицу, похожему на сухую, забытую на дереве сливу.

Только мальчик не верил. Не таков был покровитель его, инок Даниил Переславский, чтобы выставлять себя под стеклом напоказ. Не в его это было характере. Может, к преподобному Сергию он ушёл, в лесах радонежских скрылся? Нет, не мог Даниил оставить свой родной город… Вот и получалось, что сподручнее всего было ему в подземный ход спрятаться. Ключик, который когда-то у монастыря нашёл, Даня носил на шее, на шнурке рядом с крестиком. Пробовал его к разным замкам – ни к одному не подходит. Бабушка увидала у внука ключ на шее – заругалась сначала, но когда Даня ей объяснил, где нашёл – остыла. Только сокрушалась, что не купила ему раньше именной образок, всё откладывала. А теперь и денег нет, и образок днём с огнём не сыщешь.

Санька давно даже крест свой снял, в Плещеево забросил. И другие ребята – кто носит, а кто и без креста. Даня же с крестом и ключиком не расставался. Он и крепость хотел возле Данилова строить, чтобы получше там разведать. Рядом с крепостью подземелье – лучше не придумаешь! Никакой враг не подступится.

Но Федот с Егором, да и Петька, и братья его стояли на своем – только Плещеево! Егор сказал: место знает у Городища тихое, никто не найдёт. И отцову лодку пригнал, чтобы кирпич грузить.

Хорошо, что церковь разрушенная, от которой столько кирпича осталось, была на берегу Трубежа – носить близко. Даня старался не думать, что это за кирпичи. Они с бабушкой и были-то здесь на всенощной всего пару раз. Мальчик не помнил названия храма, да и вспомнить не старался.

Ребята работали бойко, заполняя кирпичом кто ведро, кто корзинку, кто ящик – вдвоём нести. Покрикивали друг на друга для бодрости. Поторапливаться пора, солнце на закат перевалило. Опять же кто-то из взрослых мог их застать: Ленька говорил, что мужики из соседних домов этот камень тоже присмотрели, к себе на тачках возят на огороды: в хозяйстве пригодится. Такой мужик, если с ним пересечься, может и уши надрать, и родным нажаловаться.

Поэтому Даня торопился вместе со всеми. Но когда стал в третий раз нагружать корзину, попался ему кирпич с вытиснутыми буквами: «Пётр Фёдоров, 1786».

– Может, с могилы? – спросил Даня Петьку. – Такой брать не стоит…

– Ну и что? Вон у Федота обломок плиты с могилы, а он не побоялся – говорит, для ворот сгодится.

Даня замолчал, рассматривая кирпич. Вспомнил отчего-то, что Даниил Переславский собирал умерших бродяг на дорогах и хоронил у монастыря, отпевал их и поминал усопших в своих молитвах…

– Не с могилы это – именной! – вмешался Егор.

– Что значит?

– А когда люди жертвовали на постройку церкви, их имена на кирпичах выбивали, чтобы память хранилась.

Того не легче! Полтораста лет назад какой-то Пётр Фёдоров кровные свои на храм отдал и думал – память оставил… А может, он и похоронен тут?

– У меня много таких! – крикнул с берега Егор. – Будя, ребята – лодка уже бортом черпает!

Даня кирпич Петра Фёдорова потихоньку засунул в крапиву, что бушевала вокруг разрушенного храма. Пусть лучше тут лежит…

Егор оттолкнулся шестом от берега, и нагруженная лодка двинулась в сторону устья. Ребята с радостными криками побежали за ним вдоль Трубежа.

Даня остался. Про крепость ему и думать расхотелось. Вдруг будут по ночам приходить покойники, с чьих могил плиты они на лодку погрузили? Веками лежали они тут возле храма, слушали колокольный звон, плывущий по реке, да голоса певчих, поющих вместе с ангелами на литургиях. А теперь – где певчие, где могилы, где колокола, где храм?

Другие настали времена, говорит брат Санька. Он в семье лучше всех разбирается в новых порядках. Без запинки называет Троицкую улицу – Комитетской, Симеоновскую – Ростовской, Владимирскую – Комсомольской. Вступил в пионеры и ходит с красным платком на шее, по улицам с барабаном марширует.

Бабушка, когда входит старший внук, осеняет себя крестным знамением.

– Ты эти штучки оставь! – строго говорит ей Санька. – Я клятву пионерскую принял, а ты мракобесничаешь.

– Мал ещё меня учить, – отвечает бабушка. – Клятву! «Не клянитесь ни землёю, ни небом, ни тем, что на земле» – так в Писании сказано.

Но особо возражать Саньке не смеет – он большой уже, пошёл работать на завод. Маманя говорит – там и набрался новых слов, переменился. Даже поговаривал, что фамилию себе возьмёт новую, а то «Пересветов» не на те мысли людей наводит.

– Ты ведь гордился, что мы тому воину на Куликовом поле не чужие… – напомнил Даня.

– Эх ты, простота! Какие у монаха дети?

– Наверное, у него брат был…

– Забудь! Теперь Железнов, или Яров, или Меткий в почёте, – рассуждал Санька.

– За что отца-то своего покойного позоришь? – вступила тут, не утерпела бабушка.

– Отец теперь у всех один – товарищ Ленин, вождь мировой революции!

Бабушка, что-то шепча, крестится тайком в ответ на такие слова, маманя начинает тихо плакать. А старший брат с торжеством повторяет:

– Всё теперь по-новому будет!

Даня видит, что всё по-новому, но как?

Понять невозможно. Как будто очутились они в совсем другом городе. Словно смерч по их земле промчался, ломая как спички колокольни, разламывая ломтями церкви, слизывая огненными языками людей. Не стало тех, вокруг кого вращалась жизнь города, чьё имя всегда произносили с трепетом и уважением: городского головы Павлова, которого сам государь император похвалил, купцов, полицмейстера, архиереев. Да и самого государя отменили, а жив он или нет – неизвестно. Кто говорит: убили его, – а верные люди доподлинно знают, что скрывается он в Сибири, в глухой тайге. А вот батюшку Константина из храма Петра митрополита точно убили, изувеченного протащили по улицам – Даня ещё маленький был, но помнил, как женщины, плача в платок, шёпотом рассказывали друг другу страшные подробности. Маманя тогда его перестала пускать одного на улицу. Даня отца Константина хорошо помнил, тот жил неподалёку: к нему в сад за яблоками пацаны лазили, яблоки у него были самые лучшие в городе. Даня обычно стоял на стрёме, и однажды поймал его батюшка, да выпустил. ещё и яблочка вдогонку дал. Как же могли убить такого? У кого рука поднялась? В голове это плохо умещалось. Как будто стоишь в жаркий день под деревом, на границе прохладно-шелковистой тени: внутри неё всё одного вида и цвета, а на припёке – то же самое мреет и огнится, и в глазах начинает дрожать. Не мог Даня понять, где же сейчас тень, а где марево. Порой казалось, в самом деле – стало всё можно. В парке вокруг павловского дома, куда пускали

по особому билету, теперь ворота настежь и сорняки выше головы. Санька подбирался с друзьями к окнам, заглядывал, как там на бархатных диванах люди в нечищенных сапогах расселись, что-то обсуждают горячо. Брат хвастался, что его туда тоже пустят, когда в комсомол вступит. И будет он между белых колонн похаживать и в шёлковые занавеси сморкаться.

Бабушка теперь Саньку побаивалась. По воскресеньям в Троицкую слободу ходила на литургию, не во Владимирский собор – подальше от дома. И не велела сказывать Саньке. Звала и Даню с собой, но он отговорился – вставать затемно неохота. Да и боязно – Санька засмеёт. А ещё дел у него полно, надо помогать мамане по дому после папашиной смерти. Маленькая Дашка бесперечь болеет, слабенькая родилась.

Всё бы ничего, да маманя каждую ночь в подушку плачет. Её придавленные всхлипы перемежаются с тонкими, иголкой терзающими слух криками совы-сипухи. Сова осталась с прошлых времён – как жила на чердаке бывшей гимназии, так и живёт. В такие ночи Даня лежит без сна и вспоминает, как папашу под мостом с проломленной головой нашли. Он тогда ещё маленьким был, а в городе новая власть становилась, по улицам лихие люди расхаживали – может, те самые, что отца Константина убили, банда какая-то пришла из Александрова. А папаша как раз подвыпивший, с получкой из типографии шёл. Дане страшно было вспоминать папашу в гробу, хотя там он лежал умытый и нарядный, как никогда в жизни. Бабушка ему шапочку сшила из старого своего праздничного платья, чтобы рану не было видно – ровно скуфейка на подёрнутых ранней сединой волосах.

Дане становится страшно от таких мыслей, и в полуночной тишине мнится – за просвеченной луной занавеской вновь встают колокольни, храмы, по улицам шагают исчезнувшие из города люди. Много их… Даня помнил, как по Переславлю в последний раз прошёл крестный ход. Священники в праздничных облачениях, дьяконы с громоподобными голосами, толпы народу с хоругвями шли от монастыря к монастырю, от прихода к приходу. Было это зимой, а пели пасхальное, и в голых ветвях, совсем как на раннюю Пасху, играло нежное солнышко. Бабушка потом говорила: пасхальное пели – к смерти готовились. И в самом деле, скоро батюшку Константина какое-то собрание приговорило казнить. Как Христа? А другие батюшки и дьяконы – кто помер, кто исчез незнамо куда… Иные нашли себе новое дело: сторожем на складах или рыбарём на Плещеевом. Монахини из Никольского и Феодоровского монастырей в няньки к людям пошли. А дети священников милостыню просят. Отец Василий из Космо-

Демьян-ской церкви сам на базаре с шапкой стоит. Только подают теперь плохо: самим есть нечего. Хорошо, бабушка Акулина Егоровна с осени запаслась жёлудями и в ступке их мелет, подмешивает в суп и в хлеб.

Настоящего хлеба Даня давно уж не пробовал. Только просфоры, которые бабушка по воскресеньям из Троицкой слободы приносила. Они – все такие же. Белые, священным воздухом изнутри наполнены. Хотя стали гораздо меньше. Печёт теперь не Хиония Ниловна, а бывшая монахиня из Никольского. Просвирня померла вскоре после того, как к ней в дом с обыском приходили: забрали все серебряные ложки и оклады с икон посрывали. Бабушка говорит: непонятно, добро своё жалела или иконы? Но поминает рабу Божию Хионию исправно.

Даня так задумался, что не заметил – солнце алый край в озере омочило, с пустыря наползают сумерки. Ребята, наверное, обиделись, что он с ними не поплыл. Если через луга бегом мимо Никитского монастыря, можно успеть и помочь разгрузиться.

Мальчик поднялся и пошёл по бывшему двору церкви. Медный луч широко и покойно лежал на заросшей травой могильной плите. На камне стояло «игумен…», а имя неразборчиво. У покосившегося креста— маленькая иконка бумажная. А ещё – Даня не сразу разобрал в слепящем закатном сиянии – свеча там горела ровным сиреневым пламенем!

Даня остолбенел от страха, ноги подкосились. Он спрятался за куст бузины, но не сводил глаз с могилы. Ещё жутче стало, когда из-под старых лип приблизилась чёрная фигура в монашеском одеянии, стала класть поклоны.

«Вот она, расплата! – подумалось Дане. – Встают, встают из гробов своих покойники! Надо было мне с ребятами уйти…»

Тут и голос он услышал, поющий литию. Женский. Высокий, но не громкий, словно внутрь себя слова проговаривающий. Даня знал, что монахинь в Переславле разогнали всех после того, как Никольский монастырь взорвали: кого в ссылку, кого ещё дальше. Откуда же такой взяться, как не с того света? Похолодел мальчик. Но вдруг увидел, как монахиня ладонью отогнала кружащего над ней комара.

Призракам комары вряд ли докучают… Не успел Даня так подумать, как черница, сделав последний поклон, куда-то заторопилась. Затушила свечу, иконку на груди спрятала, на плиту положила несколько ромашек. И стала удаляться между грудами камней. Потом остановилась, наклонилась… Исчезла.

Даня вскочил и бросился туда, где она только что стояла. А там в щели большой плоский камень ворочается. Покачался – и встал на своё место, как дверь.

Вот он, ход-то подземный! Даня подождал и камень потихоньку подвинул. Открылся проход в темноту, обдавшую холодной затхлостью. Мальчик колебался недолго. Не за тем он тут остался, чтобы струсить! Оскальзываясь, спустился по глинистым ступенькам и оказался в тоннеле. Где-то далеко, в самом конце его теплился-мерцал огонёк – монахиня шла со свечкой. Даня бросился следом.

Он сам потом не помнил, долго ли брёл по проходу, о чем думал, что чувствовал. Только молитву преподобному Даниилу твердил – с детства в его память впечаталась. Ещё «Богородице» и «Отче наш». Ведь кто знает – не видение ли дьявольское заманило под землю? Даня видел, что от основного тоннеля убегают боковые ответвления – как будто серые звери бесшумно кидались в темноту. И чудилось ему, что там, под землёй, далеко, поют что-то божественное – беглые монахи или души праведников? Тогда почему не в небесах? Смешалось всё в голове у Дани.

Особенно страшно стало, когда огонёк погас. То ли монахиня выбралась наружу, то ли испарилась как дым. Даня полз теперь наощупь, натыкаясь на корни растений, на холодные камни в скользкой глине, на шмыгающих между пальцами мерзких мокриц. К счастью, скоро забрезжила полоска света. Выбрался Даня из-под земли. И оказался в какой-то пещерке с полуоткрытой дверью. За ней – обычная комната: подслеповатое окошко, столик, две табуретки, перед иконами лампадка горит. Даже кровати нет: в углу какая-то куча тряпья, а вместо подушки – поленце. В окошке зелёная листва переливается. В комнатке пахло чем-то необыкновенным. После мальчик понял – хлебом.

Даня вышел наружу.

– Ты чего тут делаешь? – раздался над его головой громовой голос, и Даня увидел дюжего деда с рогатиной.

– Да заблудился, дедушка… – заюлил мальчик.

– На кладбище заблудился? – захохотал дед. – Ступай-ка отсюдова поскорее, малец!

Даня огляделся – в самом деле, сельское кладбище, кресты в выцветших бумажных цветочках, сбоку церковка с колокольней. А дед, видать, сторожем здесь был.

– А монахиня где? – пробормотал Даня.

– Кака така монахиня? – грозно насупился дед. – Катись, кому сказали! Да чтоб пятки замелькали!

Даня так и сделал. А когда уже выходил с кладбища, то у самых ворот разогнулась ему навстречу женщина в платке ниже бровей, прибирающая могилку – и ростом и видом вроде похожа на ту монахиню. Только в обычной одежде: потрепанный зипунчик, юбка до полу. Ясные глянули из-под платка на Даню глаза, и стало ему стыдно. Но не страшно, а хорошо, как после исповеди. Он женщине поклонился и вышел на дорогу, помчался домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kalikinskaya_ekaterina/odin-v-pole-voin

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити